

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗАДАЧИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аграновская Н.С.,

*преподаватель кафедры теории русского языка и литературы
Андижанского государственного института иностранных языков*

Айтматова Г.А.,

gaitmatova@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются сложности и противоречия, возникающие при анализе сложных предложений в русской грамматике. Отмечается, что традиционные методики не всегда позволяют адекватно охарактеризовать все типы синтаксических конструкций. Особое внимание уделяется различным научным взглядам на природу сложного предложения, его коммуникативную цель и интонационные особенности. Обосновывается необходимость более гибкого и функционального подхода к синтаксическому разбору, особенно в образовательной практике.

Ключевые слова: сложное предложение, синтаксический разбор, коммуникативная целеустановка, интонация, предикативные единицы, методика преподавания, русская грамматика.

Преподавателей русского языка не всегда устраивает методика разбора сложного предложения. Одна из причин критических замечаний и попыток усовершенствовать синтаксический разбор состоит в том, что не все конструкции легко поддаются анализу по существующей схеме. Как поступать с такими конструкциями? Какой должна быть процедура разбора, чтобы она предусматривала ответы на подобные непростые случаи? Время от времени появляется идея характеризовать каждую отдельную часть сложного предложения по цели высказывания и интонации, т.е. рассматривать

предикативные единицы, функционирующие в составе сложного предложения, как самостоятельные коммуникативные единицы.

Самым простым и все еще достаточно распространенным в учебной литературе определением сложного предложения является следующее: сложным называется предложение, состоящее из двух или нескольких простых предложений. В этом определении само понятие «предложение» раздваивается. С одной стороны, предложение – это целостная единица речи, соответствующая относительно законченной мысли; с другой стороны, предложение является частью сложной синтаксической конструкции и, следовательно, не выражает законченной мысли.

Данная ситуация нашла отражение в истории русской синтаксической науки. Существовали две принципиально различные точки зрения на природу сложного предложения. Первая заключалась в том, что только простое предложение может быть названо предложением, а сложное соответственно является не предложением, а соединением предложений, двух или более. Согласно второй точке зрения, сложное предложение – это не соединение предложений, а именно предложение, поскольку для него характерна смысловая и интонационная законченность, и, следовательно, части сложной конструкции не могут рассматриваться как предложения, так как этой законченности не имеют.

Долгое время в русской науке господствовала первая точка зрения. Наиболее отчетливо ее выразили профессор А.М. Пешковский и академик А.А. Шахматов, которые считали, что поскольку сложное предложение не является предложением, то даже называть его следует иначе. Так, например, А.М. Пешковский предложил назвать эту единицу «сложным целым». Он отмечал, что термин «сложное предложение» называет «несколько предложений одним предложением и тем создает путаницу». А.А. Шахматов называл сложное предложение «сочетанием или сцеплением предложений», подчеркивая, что сам термин должен указывать на то, что речь идет не об одном предложении, а о нескольких.

Позднее возобладала вторая точка зрения. Впервые она была высказана профессором В.А. Богородицким: «Во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое, так что, будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла и даже совсем невозможны, подобно тому как морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него...».

Вместе с тем большинство современных ученых рассматривает сложное предложение (полипредикативную единицу) в качестве одной коммуникативной единицы, что естественным образом предполагает и единую характеристику сложного предложения в отношении коммуникативной целеустановки и интонационного контура. Если анализ сложного предложения как целостной единицы ограничивать лишь структурным его аспектом, то, как говорил в свое время профессор Н.С. Пospelов, «не скатываемся ли мы тем самым к структурно-формалистическому пониманию предложения только как определенного предикативного построения?» Именно Н.С. Пospelов показал, что при анализе сложных предложений «попытка разложить их на якобы составляющие их простые неизбежно приводит к вытравлению из них единого смыслового ядра высказывания».

Коммуникативную функцию выполняет предложение в целом (простое самостоятельное или сложное), а не части его. Предикативные единицы, входящие в состав сложной конструкции, лишь условно могут быть названы простыми предложениями. В школе это делается по методическим соображениям, для удобства структурного анализа: и самостоятельное простое предложение, и «предложение» как часть сложного имеют грамматическую основу, соответствуют определенным структурным схемам. При этом все же целесообразно оговорить условность использования термина «простое предложение» применительно к частям сложного. Поэтому говорить, что в сложном предложении несколько простых, не совсем точно, так как предложение одно (сложное), но оно состоит из нескольких частей. Части эти, однако, особенные: каждая часть имеет свою грамматическую основу и в этом

отношении напоминает простое предложение». Говоря о частях сложного предложения, надо иметь в виду его предикативные части, то есть части, имеющие собственную грамматическую основу, но не имеющие интонации сообщения и не выполняющие самостоятельной коммуникативной задачи.

Современному представлению о предложении как единице, отграниченной от других языковых единиц прежде всего по функции – коммуникативной (в отличие от номинативной функции словосочетания и слова), более всего соответствует такая последовательность разбора предложения (и простого, и сложного), при которой первой его характеристикой является именно характеристика по целеустановке (определение той коммуникативной задачи, для выполнения которой было порождено высказывание и которой соответствует та или иная интонация).

Желательно, кстати, различать понятия «интонация» и «эмоциональная окрашенность высказывания», как это обычно и принято в учебной литературе. По эмоциональной окраске предложения делятся на восклицательные и невосклицательные. Понятие же интонации более широкое. Интонация выполняет множество функций: различает коммуникативные типы высказывания – побуждение, вопрос, повествование, импликацию (подразумевание), отсюда термины «побудительная интонация», «вопросительная интонация» и т. п.; выражает конкретные эмоции; оформляет высказывание в единое целое, одновременно расчленяя его на синтагмы, и т. д.

Предложений с синкретичной целеустановкой в реальных текстах несопоставимо меньше, чем обычных повествовательных, вопросительных или побудительных предложений. Зачем же ради отдельных примеров удлинять, как предлагают некоторые, общепринятую процедуру анализа и, разбирая одно сложное предложение, многократно повторять «повествовательное, невосклицательное, повествовательное, невосклицательное...»? Понятно, что принятые схемы анализа сложного предложения не охватывают всего спектра существующих сложных предложений. Однако, во-первых, весь спектр предложений не изучен пока и в науке; во-вторых, наивно было бы полагать,

что можно решить эту задачу в рамках доступных для школьников понятий. Строгие рамки схемы «повествовательное – побудительное – вопросительное» не являются той экспериментальной площадкой, которая позволит охватить все многообразие предложений по цели высказывания, хотя бы потому, что более детальная классификация включает также предложения со значениями условности, желательности, долженствования и т. д., предполагает учет реальной и ирреальной модальности. Поэтому, думается, не надо искусственно усложнять задачи. С помощью проверенных жизнью видов учебной деятельности и научно обоснованного творческого подхода преподавателя эти задачи вполне могут быть выполнены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пешковский А. М. *Русский синтаксис в научном освещении*. — М.: Госучпедгиз, 1956. — 356 с.
2. Шахматов А. А. *Синтаксис русского языка*. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1905. — 294 с.
3. Богородицкий В. А. *Вопросы теории грамматики*. — Казань: Изд-во Казанского университета, 1912. — 212 с.
4. Поспелов Н. С. *О типах синтаксических единиц и их коммуникативных функциях* // Вопросы языкознания. — 1956. — № 1. — С. 25–36.
5. *Русский язык: теория и практика: учеб. пособие* / под ред. Н. А. Купиной. — М.: Просвещение, 2007. — 240 с.